

ИРИНА БЕЗРУКОВА

МАРК ДУБОВСКИЙ

ЕЛЕНА
ЗАДОРНОВА

Г
МАКСИМ

Л
К
И
Н

Я
К
У
Б
О
В
Л
Е
О
Н
И
Д
Ч

В
Л
КАЧАН
Д
И
М
И
Р

Д
У
Б
О
В
РЕГИНА
Ц
К
А
Я

Л
И
ИЗМАЙЛОВ
Н

С
ДРОБОТЕНКО
Р
Г
Е
Й

М
А
К
С
ЗАБЕЛИН
М

Х
ГЕННАДИЙ
З
А
Н
О
В
И
Д
Р
У
Г
И
Е

А
Н
Д
Р
Е
Й
А
Л
Я
К
И
Н

М И Х А И Л
ЗАДОРНОВ.
АПЛОДИРУЕМ СТОЯ

Коллектив авторов
Михаил Задорнов.
Аплодируем стоя

«Центрполиграф»

2019

УДК 94.3
ББК 83.3(Рос-Рус)6

Коллектив авторов

Михаил Задорнов. Аплодируем стоя / Коллектив авторов —
«Центрполиграф», 2019

ISBN 978-5-227-08464-4

Михаил Николаевич Задорнов был рупором, который без страха и упрёка, не боясь цензуры, произносил вслух то, что многие боялись озвучить. Любая его книга вызывала горячий интерес. И не важно, смешная она была или информативная, любая из них находила своего читателя... Сегодня на этих страницах мы собрали рассказы людей, которые знали Михаила Николаевича не понаслышке. У каждого из них был свой Задорнов. Итак, рассказывают ученики, друзья и коллеги по сцене, товарищи из детства и даже старенькая школьная учительница, которая хорошо помнит своего рано ушедшего звёздного ученика...

УДК 94.3
ББК 83.3(Рос-Рус)6

ISBN 978-5-227-08464-4

© Коллектив авторов, 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

От издательства	6
Папе	7
2×25, или Русский писатель на фоне Рижского залива	9
Экскурсия	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Михаил Задорнов. Аплодируем стоя

© Алякин А., Безрукова И., Галкин М., Дроботенко С., Дубовицкая Р., Дубовский М. (наследники), Забелин М., Задорнова Е., Измайлов Л., Качан В., Маркова Е., Трошкина Р., Фокина Н., Хазанов Г., Цапик А., Якубович Л., текст, 2019

© «Центрполиграф», 2019

* * *

Огромная благодарность всем, кто откликнулся и принял участие в написании этой книги!

Он появился у меня на кафедре, где я работал инженером. В 1969 году пришел знакомиться – весёлый, рыжий, громогласный и жутко активный молодой человек. Ему тогда был 21 год.

Лион Измайлов

Как вместить на нескольких страничках рассказ о человеке, у которого не было размера, рамок и ограничителей? Писателя с парадоксальным мышлением, с энциклопедическими знаниями, сатирика с большим сердцем.

Рита Трошкина

Когда меня однажды позвали к телефону и я услышал голос, похожий на Задорнова, естественно я сразу не поверил, что это он. «Серёжа, вы не женица, поэтому я могу задать этот вопрос: сколько вам лет?» Я ответил: «Тридцать». Он говорит: «Простите, я вам не звонил тридцать лет». И я понял – Сам!

Сергей Дроботенко

От издательства

Некоторые авторы за годы работы с издательством становятся практически родными. Таким и стал для нас Михаил Николаевич Задорнов... Горько, что мы потеряли такого интересного, популярного и любимого автора.

Михаил Николаевич был рупором, который без страха и упрёка, не боясь цензуры, проносил вслух то, что многие боялись озвучить. Любая его книга вызывала горячий интерес. И не важно, смешная она была или информативная, любая из них находила своего читателя.

Работать с текстами Задорнова огромное удовольствие и отдушина. Не секрет, что далеко не каждый материал, поступивший в издательство, даётся редактору легко. Но только не тексты Михаила Николаевича. Здесь всё было предельно просто и ясно. Изначально интересный авторский текст – уже хорошо! Плюс чётко и грамотно работающие преданные помощники автора всегда готовы были посодействовать, помочь, поддержать, поучаствовать в обсуждении структуры книги. Как результат: все книги Задорнова, вышедшие в «Центрполиграфе», – нарасхват. Ни одного прокола или провала.

Острое слово, искромётный юмор, ирония, немного сарказма... не боялся он посмеяться и над собой...

Однажды муза плача Анна Ахматова написала поразительные строки:

Когда человек умирает,
Изменяются его портреты.
По-другому глаза глядят, и губы
Улыбаются другой улыбкой.

Пришёл черёд измениться портрету Михаила Николаевича, но перед ним мы аплодируем стоя прекрасному, мудрому и щедрому человеку и талантливому автору.

Сегодня, отдавая дань памяти, на страницах этой книги мы собрали рассказы людей, которые знали Михаила Николаевича не понаслышке. У каждого из них был свой Задорнов. И так, рассказывают ученики, друзья и коллеги по сцене, товарищи из детства и даже старенькая школьная учительница, которая хорошо помнит своего рано ушедшего звёздного ученика...

Папе

Ты остался в сердцах миллионов людей,
Это истина, и не пустая.
И тебя сейчас сонмы шальных лебедей
К себе взяли как лидера стаи.

Наступили для стаи ТВОИ времена,
Ты расскажешь им всё про этрусков,
И про Гиперборею, язык, племена,
И как это забавно – быть русским!

И ты встретился с теми, кто близок душой,
Твой отец, Евтушенко и Пушкин,
И от няни его комплимент был большой,
Как от старой знакомой подружки!

И с Филатовым Лёней вы встретились вновь,
Он сказал тебе: «Мишка, спасибо!
Ты не предал гусарскую жилу и кровь,
И стихи мои вторил красиво...»

Тебя встретили гении разных эпох,
Не со всеми, возможно, ты сладил
И устроил, конечно же, переполох,
Ты ж Задорнов! Зачем ещё ради?

И тебя принимал и крестьянин, и граф,
Ты гулял меж больших акведуков,
И с тобою сейчас гумилевский жираф
Гордо ходит, теряясь в бамбуках.

Расскажи наверху, как живётся у нас,
Порой грустно, порою безбожно,
А бывает смешно, и закончи рассказ,
Что не всё ещё так безнадежно!

Если что-то про русских тебе наплетут
Иль над нашим народом смеются,
Расскажи, что народ наш воистину крут!
Наши РУССКИЕ ведь не сдаются!

Посмотрел вокруг света ты все те места,
Куда раньше, увы, не доехал,
Чтобы новую жизнь и с пустого листа
Начинать, закрывая прорехи.

*Не бери как посмертный пустой комплимент,
Мне отцовские чувства важнее!
Вероятнее, в этот печальный момент
Ты был Богу зачем-то нужнее.*

Есть душа – а есть бренность непрочности тел,
И миная любые преграды
Мы станцуем НАШ вальс, как всегда ты хотел, –
Это свыше благая награда.

Не бери как посмертный пустой комплимент,
Мне отцовские чувства важнее!
Вероятнее, в этот печальный момент
Ты был Богу зачем-то нужнее.

*Елена Задорнова
Дочь*

2×25, или Русский писатель на фоне Рижского залива

Мы с ним тут прыгали в длину. Простой прыжок и тройной – кто дальше. На влажном песке было легко пальцем отмечать результат. С разбега надо было отталкиваться от мокрого песка и в сторону дюн прыгать в сухой, мягкий. А результат отмечать палочкой, положив её на место приземления. Я, занимавшийся лёгкой атлетикой, прыгал дальше, но годы шли, форма терялась, и в одно прекрасное лето он меня перепрыгнул...

Я удивился. «Ну-ка, ну-ка», – сказал я себе и прыгнул изо всех сил. А он опять на полступни дальше. «Да он тут тренировался, пока я отсутствовал, чтобы меня сделать, когда приеду», – подумал я тогда, но промолчал и смирился. У меня вообще характер другой, я предпочитаю состязаться с самим собой. Себя, короче, побеждать. А его стихия как раз наоборот – конкуренция. Ставит он, к примеру, цель, чтобы на его концертах всегда был аншлаг, и эта цель достигается. Ставит цель добиться популярности не меньшей, чем у первых лиц нашей эстрады, и выполняет. И даже ничтожная задача – перепрыгнуть друга Качана – решается до тех пор, пока не решится.

Пару лет назад я тоже решил обрести некое подобие спортивной формы и начал делать гимнастику, двадцать – тридцать упражнений, не важно когда – утром, днём или даже вечером. Получалось, что делаю иногда вечернюю зарядку.

И приехал я тогда в Ригу на гастроли. Поселили нас в Юрмале, прямо на берегу моря. Вышел я к вечеру на берег, народу почти не было, сентябрь, сезон окончен. Но не для меня – когда я ещё сюда попаду? Теперь ведь это чужая страна.

Пункт проката пляжных принадлежностей, как ни странно, ещё работал. Я заплатил один лат и взял белый пластиковый шезлонг. Развернул его к заходящему солнцу, приподняв изголовье, чтобы солнце смотрело прямо на меня, а я прямо на залив. Лёг в шезлонг, солнце медленно падало в залив. «Вот и счастье, – подумал я, – и больше ничего не надо. Я это люблю почти до слез».

Чайки орали, как весенние коты, нагло и призывно. «И по помойкам они роются не хуже голубей», – лениво и некстати проплыла мысль и погасла в красно-зелёно-голубой закатной дорожке от солнца ко мне. Некстати, потому что нечего примешивать к счастью грязные жизненные реалии. Оказывается, в Библии нет такого термина «счастье», а есть «совершенная радость». Вот-вот, именно так: радость моя была совершенна и спокойна, я чувствовал себя единым – с этими дюнами, соснами, солнцем, морем; я был крохотной и не самой лучшей частью этого пейзажа. Вот так, в совершенной радости провёл я полчаса. Затем решил выполнить долг перед собой и сделать вечернюю зарядку. У моря – что может быть лучше! Когда дошла очередь до приседаний, гармонию природы нарушил неприятный хруст в коленных суставах. Но всё-таки он был не так слышен, как в квартире: море заглушало. «У него-то колени не хрустят», – подумал я не с завистью, а с уважением к физической форме моего друга. Через несколько дней он тоже сюда приехал, и мы встретились на спортивно-пляжном полигоне нашей юности.

...Мы с Владимиром Качаном – сейчас скажу не совсем правильно – прожили очень интересную жизнь (точнее, мы ещё не прожили, но той частью, которую прожили, уже можно гордиться). Почему? Да потому, что мы видели и были знакомы и даже порой дружили с величайшими и талантливейшими людьми эпохи...

Михаил Задорнов

– И как ты себя чувствуешь, – спрашивает он, – на берегу Рижского залива?

– Хемингуэя вспоминаю, «Старик и море»...

– Ну, знаешь, – говорит Задорнов, – и ты не совсем старик, и это не совсем море.

Мы сидим на песке и болтаем. Прыгать будем позже.

– Что это у тебя на руках? Комары укусили? – спрашивает он.

И мы разговариваем о комарах. Я начинаю развивать мысль о том, что рижские и московские комары – модель рижской и московской жизни. Рижские комары никуда не спешат и не суетятся. Они знают, что их терпение и солидное поведение вознаградятся ужином, когда этот ужин заснёт. Они не жужжат над ухом, а пролетают мимо, словно вы их вовсе не интересуете, садятся где-нибудь неподалёку и спокойно и терпеливо ждут. Московские же комары истеричны и суетливы, особенно те, что в центре города. Они даже никуда не садятся, а если садятся, то нервно взлетают при малейшем движении. Борьба за пропитание делает их необыкновенно вертлявыми, их убить почти невозможно, потому что очень трудно попасть. Кроме того, даже один-единственный комар своим судорожным поведением создаёт впечатление, будто их десять. Он противно пищит прямо в ухо именно в тот момент, когда ты засыпаешь, ты в полусне бьешь себя в ухо без всякой, впрочем, надежды на результат; в ухо, конечно, попадаешь, в комара – никогда; и через минуту опять писк и опять нельзя заснуть. В ярости ты включаешь свет и откидываешь одеяло, предлагая комару уже нажраться и успокоиться, не мешать спать. Ан нет! Не садится, гад, боится, его инстинкт выживания и тут побеждает. Они из-за этого инстинкта даже мутировали; ей-богу, я видел у себя на кухне такого комарамутанта. Он сел на розетку с вареньем, опустил туда хоботок и – что бы вы думали – лопал

варенье! Крови им уже мало, им десерт подавай и вообще всё, что можно урвать в наше трудное и для комаров время.

У Михаила глаза загораются. Это же тема! Ну чем, скажите, отличаются комары рижские и московские в своём поведении от людей – рижан и москвичей? Сколько общих черт! А сибирские комары? – развиваем мы тему дальше. Они же кидаются на человека без всякого страха; их совершенно не волнует, будут они убиты или нет. Пикируют и садятся бесхитростно, с простодушной прямоотой. О-о! здесь о многом можно подумать.

Мы хохочем и бежим к воде. Мы – те же, что и тогда, нас смешат или печалят всё те же вещи, мы не переменились. Хотя очень многие наши друзья той поры переменились совершенно, почти незнаваемо. И мы с ними больше не встречаемся.

Поговорили и об этом. Уходил тёплый осенний день у моря, один из последних дней бабьего лета. Вот точно так естественно и печально уходит из твоей жизни чья-то другая жизнь, и ты даже не огорчаешься – всё нормально, так и должно быть. Только почему в уходе лета, человека и жизни есть что-то общее, отчего ты всякий раз провожаешь лето так, будто видишь себя в этом жёлтом листе, в этих лысеющих деревьях, в этом море, которое всё холоднее, в этом пляже, который постепенно пустеет... Даже тогда, когда тебе двадцать пять, ты всё равно об этом думаешь и пробуешь на вкус у Рижского залива этот опасный коктейль из любви и тоски...

Давайте-ка вместе приедем на Рижский вокзал, сядем в фирменный поезд «Латвия» или «Юрмала» (он уходит чуть позднее) и тронемся в Ригу. Да, кстати, загранпаспорт не забыли? И виза с собой? Ну прекрасно, поехали. Нам сразу подадут знаменитое пиво «Алдарис» или «Алдарис зелта». «Зелта» – в переводе «золотое». Она, Рига, начинается с поезда. И под стук колес я начну рассказывать о том, как мы с Михаилом там жили. А потом мы приедем, и я поведу вас по тем местам, где нам было хорошо, по местам нашей «малой Родины», которая теперь перестала быть нашей Родиной. Нам сказали: «Всё ребята! Это уже не ваша Родина, а наша». Что ж, ваша так ваша, разве мы спорим... Но хотя бы внутренне: в сознании, в душе, да к тому же и в детстве – всё равно наша...

Экскурсия

Обратите внимание на это здание. Перед вами школа, в которой мы учились, 10-я рижская средняя школа с производственным, понимаете ли, обучением. С производственным потому, что это была одиннадцатилетка, и по окончании её я, как и Михаил, получил специальность токаря первого разряда, чуть не оттяпав себе при обучении мизинец кулачком кулачкового патрона. А его будущей жене Велте, учащейся той же школы, повезло стать чертёжницей-детализовщицей, и, если бы не это обстоятельство, не знаю, сумела бы она потом защитить докторскую диссертацию и преподавать в МГУ.

Да и Мишка тоже вряд ли чего-нибудь написал, если бы не стал токарем первого разряда. Однако если бы это было самой большой глупостью в нашей Отчизне, то мы все были бы просто счастливы.

Вот в этой самой школе мы и познакомились с Мишкой. (Поскольку мы с вами поехали в детство, я некоторое время буду называть его так, как тогда.) Мне тринадцать, ему двенадцать лет. Знакомство произошло во время легкомысленной игры в настольный теннис. Он всякий раз рассказывает, что, мол, играли мы в настольный теннис, и я, проиграв, решил взять реванш тем, что спросил: скольких девочек он уже целовал? Зардевшись, он соврал, что одну. На что я с нахальством опереточного любовника якобы небрежно ответил, что у меня, мол, за плечами уже семьдесят пять поцелованных девочек. В каждом новом изложении количество девочек растёт, и на моём бенефисе в театре (а бенефис потом плавно перешёл в выступления друзей) Мишка назвал цифру восемьдесят шесть. Но, согласитесь, сатирик без гиперболы – это хуже, чем песня без баяна, чем ёжик без иголок, чем токарь (даже страшно подумать!) без кулачкового патрона.

А сейчас наш экскурсионный автобус приближается к перекрёстку бывших улиц Кирова, Свердлова и Стрелковой. Налево – Стрелковый же парк. Тут многие места назывались «стрелковыми», очевидно в честь легендарных латышских стрелков, которые помогли Ленину закрепить успех Октябрьской революции. Бывшую улицу Ленина, центральную, разумеется, магистраль города, мы уже проезжали. Через несколько десятков лет потомки латышских стрелков возненавидят тот режим, который их же деды помогали устанавливать, и станут мстить кому ни попадя за своё попранное этим режимом детство. Больше всех достанется русскому языку, но пройдёт ещё несколько десятков лет, и (где-нибудь в 2030 году) выяснится, что русский язык – как раз то, что следовало сохранить, если ты хочешь остаться в поле мировой культуры. Но это сейчас не важно, и к теме нашей сегодняшней экскурсии отношения не имеет. А тема – «Юность Задорнова и его друзей».

Вот тут, на улице Свердлова, в доме № 4, жил я, а за углом, на улице Кирова, метрах в ста пятидесяти от моего дома, – Миша.

Вот, взгляните направо, на этот красивый дом в тенистой части улицы. Он не просто красивый, он, я бы сказал, элитарный дом. В нём проживал классик советско-латышской литературы Вилис Лацис. Помните роман «Сын рыбака»? Не помните?.. Ну ничего страшного, просто вам придётся поверить мне на слово, что Янис Райнис и Вилис Лацис являлись национальной гордостью Латвии. И только потому, что Мишин папа тоже был классиком (только русско-советской литературы), он и его семья имели право жить в этом, почти мемориальном, доме, в квартире № 1, всегда поражавшей меня своими размерами и солидностью. Потом, когда в России и Латвии победила демократия и обе страны стали свободными, семью Задорновых из этого дома «попросили».

Они познакомились с новым словом «реституция», и знакомство оказалось неприятным. Согласно реституции, некоторые дома возвращались прежним владельцам. Объявился владе-

лец и этого дома. Но, слава богу, к тому времени у Миши была уже возможность переселить семью на новое место. И слава богу, что его отец этого уже не увидел.

Теперь я хочу вам немного рассказать о Мишином отце, Николае Павловиче. Он был лауреатом нескольких Государственных премий и писал хорошо и основательно. Николай Павлович (традиционно для почти всех крупных писателей) не любил истерическую сутолоку больших городов, а любил покой и простор. Всё это было в Риге, поэтому Мише повезло вырасти там, где много воды, зелени и неба, как, впрочем, и вашему экскурсоводу, выросшему там же, но в семье простого русского офицера, или, как сегодня тут принято говорить, – оккупанта.

Теперь мне кажется, как это ни цинично, что нашим отцам отчасти повезло не дожить до того состояния демократии, которое приличные люди называют обыкновенным хамством, а не очень приличные – свободой. Кстати, крылатая фраза Задорнова о «стране с непредсказуемым прошлым» родилась отсюда, из этого детства, из жизни его отца, который ну ничем не провинился перед Латвией, однако был посмертно наказан выселением. Да и мой отец именовался тут сначала «воином-освободителем» от фашизма, зато теперь он «оккупант», а фашисты, наоборот, – хорошие!

Воспитание, осанка, манера поведения достались Мише в первую очередь от отца. Николай Павлович словно олицетворял собой образ русского прозаика, неспешно и серьёзно размышляющего о жизни и своём месте в ней. Эта статья, эти летящие назад седые волосы, эти очки в тонкой оправе на породистом лице, да ещё – трость, на которой покоится рука, временно отложившая перо, да ещё – честность и высокая нравственность во взоре (именно взор, заметьте, а не какой-нибудь простой взгляд), и в нём к тому же – груз ответственности за судьбу русской литературы на латышской земле – ну всё буквально выдаёт в нём маститого писателя!

Обычно такие лица бывают скучны – именно своей маститостью и назидательностью. Скучные, сановные, добропорядочные лица. Порядочней самой порядочности. Они так и лучатся миссионерским светом.

Всё было бы так, если бы не весёлая лёгкость, потаённое лукавство и даже озорство, поблёскивающее из-под его очков. Они намекали, что всё тут не так одномерно и просто, что он знает гораздо больше, чем показывает, и что этот маститый, казалось бы, реликт всё время слегка потешается над вами и над вашим петушиным максимализмом. Эта догадка обескураживала поначалу, при первом знакомстве, но он всё равно заставлял вас раскрываться дальше, потому что проявлял к вам настоящий интерес, и это вам льстило. Мишин папа проявлял всегда живое, весёлое любопытство к собеседнику и ко всему вокруг, хотя теперь я понимаю, что это не только черта характера, это было важнейшей составляющей его писательской профессии: писатель, наверное, просто обязан быть любопытным и наблюдательным. И точность его, Николая Павловича, наблюдений временами смущала нашу юношескую самоуверенность и наглость. Он специализировался, так сказать, на Дальнем Востоке, именно эта часть страны была местом действия большинства его романов. У всякого маститого писателя имелся тогда свой застолблённый участок, свой писательский ареал.

У Маркова, например, Сибирь, у Задорнова Дальний Восток.

А будущий писатель-сатирик, его сын, живёт себе в Риге, Дальний Восток для него – совсем дальний, он потом только узнает, что его близкий друг Вова родился там же, в городе Уссурийске. И спустя полжизни Миша будет ставить памятник отцу на Дальнем Востоке, на берегу реки Амур, и Дальний Восток, таким образом, объединит нас всех снова. Я уже говорил, что в судьбе ничего не бывает случайным, надо только уметь это замечать.

А сейчас вернёмся чуть назад, к перекрёстку и Стрелковому парку.

После уроков, домашних заданий, тренировок, став на пару часов свободными, мы встречались вот на этом углу Свердлова и Кирова и шли в Стрелковый парк гулять. Угол Свердлова и Кирова у всех мальчишек нашего района назывался «пятак»; именно на «пятаке» назначались встречи, нередко там вспыхивали драки, но, замечу, никогда не было драк русских с латы-

шами, да и латышский язык мы учили вполне добровольно с четвёртого класса, справедливо полагая, что надо знать язык и культуру того места, где живёшь. Я даже теперь могу кое-как объясниться на латышском языке, а тогда даже разговаривал.

Наверное пытаюсь изо всех сил освободиться от пут этой застенчивости, мы иногда пускались в совершенно наглые авантюры, которые можно было бы квалифицировать только статьёй «хулиганство»...

Сейчас будет набор существительных, которые для многих – ничто, а для нас с Михаилом – всё, быть может, даже лучшая часть жизни; и минимум остальных слов, которые тоже могут вдруг понадобиться...

Итак: парк, старые деревья, канал, по берегам заросший ряской, лебеди на нём, кем-то построенный домик для лебедей, в котором ни один уважающий себя лебедь жить не станет (Задорнов потом расскажет об этом домике на концерте, добавив, что на нём висела табличка: «Посторонним вход воспрещён». И с соответствующими комментариями типа «Посторонним лебедем?..» или «Кому придёт в голову ползти в этот домик?». Я, честно говоря, этой таблички не помню, но органичный симбиоз увиденного, а затем доведённого до маразма – всегда был одним из его основных приёмов). Ну, дальше... Беседка у канала, каменные ступени, слегка тронутые мхом, – вниз к воде; фонтан в глубине парка, никогда не работавший, в виде какого-то каменного идола (у него изо рта должна была бить струя, но я это видел только один раз в жизни); скамейки, на которых тогда ещё ни один балбес не увековечил своё имя; первые поцелуи на этих скамейках со школьными же девчонками – скромный и целомудренный, я бы сказал, сексуальный опыт. Нежность, романтизм, сентиментальность, которые было стыдно выразить. Тени, фонари, запах сирени, стихи, готовность № 1 к любви, которой пока всё не было; мучительный и ложный стыд оттого, что выгляжу не так, говорю не так, беру за руку не так, может быть, не нравлюсь, а навязываюсь... Словом (процитируем ещё одного эстрадного автора), «я не умею понять, я не умею обнять». Только в его песне как-то не сквозит желание научиться обнять, а вот у нас сквозило, да ещё как! Кстати, наверное пытаюсь изо всех сил освободиться от пут этой застенчивости, мы иногда пускались в совершенно наглые авантюры, которые можно было бы квалифицировать только статьёй «хулиганство».

Однажды Задорнов был переодет в девушку: ему был сделан соответствующий макияж (сестра Мила помогала), были надеты чёрные чулочки (не колготки, замечу, так как это потом сыграло свою роль), подобраны туфли на высоком каблуке (он в них едва втиснулся) и даже какая-то ретрошляпка с вуалеткой.

И пошли мы по улице Кирова к улице Ленина, то есть к самой центральной улице во всех городах страны в то время.

Сценарий поведения был неясен: помню, мы должны были изображать ссорящуюся пару, а дальше – как пойдёт. Моя роль была попроще, я всё-таки изображал юношу, а значит, в некотором смысле был ближе к себе; Мишке же было сложнее: туфли жали, навыка хождения на высоких каблуках не было, кроме того, перед ним стояла нелёгкая задача свой ломкий юношеский баритон каким-то образом превратить в девичий щебет. Единственным способом, известным нам, было перейти на дискант; это звучало фальшиво и визгливо, но, как ни странно, работало на образ, придавая ему омерзительный оттенок капризности, склочности и вульгарности. Таким голосом можно и нужно ругаться на базаре. В создаваемом наспех образе угадывалась стерва...

И вот пошли... Кстати, о «пошли». Мало того что туфли на высоком каблуке, мало того что они жали, он ведь пытался ещё при этом изобразить женскую походку. Поэтому, почти хромя, не забывал развязно вихлять бёдрами и в манере вокзальной шлюхи мне что-то выговаривать. На нас стали обращать внимание мужчины, вернее – на «неё». Они, видимо, думали, что «она» сейчас со мной поссорится и тут они её, тёпленькую, и возьмут. Поэтому некоторые встречные мужчины просто разворачивались и шли за нами, вождельно глядя на задорновские ножки. Положение становилось критическим, игра зашла далеко. А тут у него ещё и чулок спустился. Становилось совсем конфузно. Шмыгнув в ближайшую подворотню, Мишка задрал

юбку и стал поправлять сползающий чулок. Это была уже откровенная эротика с точки зрения трех-четырёх мужчин, как бы невзначай остановившихся возле. Но один из них, самый наглый, подошёл поближе, чтобы лучше видеть. Тут бы мне, наконец, вступить за честь «дамы», но Задорнов меня опередил. Он к этому времени уже «закипал». Швырнув подол юбки на место, он нарочито косолапо пошёл на эротомана и, возвращая голос в привычный регистр, этак баском рявкнул ему: «Чё те надо? Чё те надо? Я вот тебе шас как дам! Пшёл отсюда!»

Надо было видеть лицо того мужика. Отвисшая челюсть и выпученные глаза человека, который почувствовал, что вот именно сейчас он сходит с ума, что поехал чердак, который он никак не может удержать на месте. Он тряс этим чердаком и пятился от Задорнова, как от привидения. Наверно, бедный, долго потом на улице к девушкам не подходил. Но и это ещё не всё. Надо было возвращаться домой. И быстро. С чулком отношения не налаживались. Поэтому обратный путь мы проделали бегом, не придумав ничего более изящного, чем пустив меня впереди, а его (её!) – сняв туфли, в одних сползающих чулках – за мной с визгом: «Когда, сволочь, будешь алименты платить?!»

Простим юношам сомнительный характер этой шутки и не будем забывать, что начинающие сатирики почти всегда шутят грубовато, а это был всего-навсего тест на преодоление застенчивости. Я подозреваю теперь, что в отношениях с девочками именно это было основным, а не сами девочки. Поэтому любовь школьная была похожа на самовнушение и накручивалась воображением. И только для того, чтобы она увлеклась, произнесла слова заветные, чтобы совершился акт самоутверждения, чтобы понять, что я в этом вопросе – не последний, что я могу нравиться и даже, возможно, быть кем-то любимым, пусть даже на уровне слов, но главное – вырвать признание. То есть, получается, и это носило спортивный характер, всё было в одном ряду: перестать быть толстым, перепрыгнуть всех, быстрее всех пробежать, а также покорить девочку, и хорошо бы – не одну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.